

страдает,... да, в Своем роде Он подлинней и несоизмеримо больше страдает, чем тот, кто страдает ради Него. А теперь я скажу: ежели Сам Бог желает страдать, то по справедливости и я должен страдать, ведь если стези мои направлены к правде, то я желаю того же, чего хочет Бог. Я прошу все дни напролет, и Бог велит мне просить: «Господи, да будет воля твоя»; — и если Бог хочет страдать, а я на страдание жалуясь, то нет в этом правды. Я скажу верно: когда мы страдаем только ради Бога, то Бог с нами и ради нас столь охотно страдает, что страдает без муки. Страдание Ему столь вожделенно, что страдание для Него — не страдание. А посему, если мы праведны, то и для нас страдание — не страдание; оно для нас наслаждение и радость.

В-четвертых, скажу, что сострадание друга естественно уменьшает страдание. Значит, если страдание человека, которое он разделяет со мной, меня способно утешить, то насколько же больше должно меня утешать сострадание Божье.

Пятое, раз я должен и хочу страдать с человеком, которого люблю и который любит меня, то я должен охотно и по справедливости страдать вместе с Богом, страждущим со мною и страждущим ради меня из любви, каковую Он питает ко мне.

В-шестых, я скажу: если Бог страдает еще до того, как я терплю муки, а я [их] терплю ради Бога, то, воистину, все мои муки, как бы велики и различны они ни были, без труда обращаются в утеху и радость. И это естественно. Когда человек совершает какой-либо труд ради другого, тогда то, для чего он совершает его, его сердцу ближе, что же он делает, от его сердца дальше и ни за что его сердца не тронет, разве что посредством того, для чего он сие совершает. — Кто мастерит и по дереву режет и тешет камни с тем и затем, чтобы выстроить дом вопреки жару лета и морозу зимы, перед взором того — прежде всего и единственно дом; и, если б не дом, он никогда бы не обтачивал камни и не совершал бы сей труд. И мы часто видим, что, когда больной человек пьет вино сладкое, ему мнится и он говорит, что оно горько, и это подлинно так, ибо вино теряет всю свою сладость вовне в горечи языка, прежде чем вовнутрь попадет, туда, где душа распознает и почувствует вкус. Вот так же, но несравненно больше и истинней, когда человек все свои труды творит ради Бога, Бог посредствует и душе предстоит, и ничто души и сердца человека коснуться не может, не потеряв волей-неволей в Боге и Божией сладости свою горечь и, утратя её, не став чистой сладостью, прежде чем сумеет дотронуться до сердца людского.

А вот еще одно свидетельство и сравнение: учителя говорят, что под небом повсюду есть пламень⁹⁵⁰. И поэтому никакой дождь и ветер, никакие ураганы и бури не могут снизу приблизиться к небу, чтобы его хоть как-то коснуться. Все, прежде чем к небу подняться, сожжется и уничтожится жаром огня. Не иначе я говорю: все, что терпит человек и творит ради Бога, станет сладким в сладости Божией, еще не достигнув сердца того человека, который ради Бога творит и страдает. Ведь сие-то и означают слова, когда говорят «ради Бога», поскольку сие сердца никогда не достигнет, если не пройдет через сладость Бога, где свою горечь утратит. И это также сожжется жарким огнем Божией любви, — той, что объемлет сердце человека благого.

Вот теперь-то можно ясно понять, сколь успешно и сколь многими способами благой человек всюду находит утеху в горе, в страдании и в трудах. Один способ, когда он страдает и действует ради Бога; другой способ, — если он пребывает в Божией любви. И человек может так распознать и понять, все ли труды он творит ради Бога и пребывает ли он в Божией любви: ведь, несомненно, в какой мере страждущим и вне радости увидит себя человек, в той